

помыслам: в самом деле, поскольку душа уже возвращена Богу и отрелася от мирских дел и помыслов, ей мнится, что она видит тех, кто предстоит Всевышнему. Послушай, что говорит Туллий от лица Катона Старшего: «Мне кажется, что я их уже вижу, и я приподнимаюсь, охваченный величайшим желанием увидеть ваших отцов, которых я любил, и не только тех, кого я сам знавал, но также и тех, о которых я слышал». Итак, в этом возрасте благородная душа возвещает себя Богу и ждет конца брэнной жизни с великим вожделением, и ей кажется, что она выходит из постоялого двора и возвращается в собственный дом; ей видится, что она оставляет дорогу и возвращается в родной город; ей мнится, что она покидает открытое море и возвращается в гавань! О вы, несчастные и подлые люди, врывающиеся в эту гавань на распущенных парусах, и там, где вы должны бы отдохнуть, вы от порыва ветра терпите кораблекрушение и теряете самих себя как раз тогда, когда столь долгий путь уже позади! Правда, рыцарь Ланселот не пожелал войти в гавань с распущенными парусами; не пожелал и благороднейший наш латинянин Гвидо да Монтефельтро. Хорошо поступили эти благородные мужи, которые опустили паруса своих мирских деяний и предались в преклонных годах монашеской жизни, отринув всяческие мирские соблазны и дела. И никого нельзя извинить брачными узами, некогда связывавшими его; ведь к религии обращается не только тот, кто одеянием и образом жизни уподобляет себя Святому Бенедикту, Святому Августину, Святому Франциску или Святому Доминику, но можно, пребывая в браке, также обратиться к доброй и истинной религии, ибо Бог не требует от нас иной религии, кроме религии сердца. Поэтому Святой Павел и говорит римлянам: «Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему похвала не от людей, но от Бога».

В этом же возрасте благородная душа благословляет и былые времена; и она действительно вправе их благословлять, ибо, перебирая их в памяти, она вспоминает свои праведные поступки, без которых она не могла бы войти в ту гавань, к которой она приближается столь обогащенной. Она поступает как хороший купец, который, приближаясь к родной гавани, пересчитывает прибыль и говорит: «Если бы я не проделал такой путь, я не владел бы этими сокровищами и мне нечем было бы наслаждаться в родном городе, к которому я приближаюсь»; и потому он благословляет пройденный им путь. О том, что оба названных выше свойства приличествуют годам дряхлости, пишет и великий поэт Лукан во второй песни своей «Фарсалии», когда он говорит, что Марция вернулась к Катону, умоляя его снова принять ее, уже одряхлевшую: под Марцией разумеется благородная душа. Истинный же смысл этого образа мы можем описать следующим образом. Марция была некогда девой, и это состояние обозначает особую юность; потом она вышла замуж за Катона, и состояние замужества обозначает собою зрелость; тогда она родила детей, каковые обозначают собою добродетели, которые, как говорилось выше, приличествуют людям зрелого возраста; но она ушла от Катона и вышла замуж за Гортензия, и это обозначает, что она рассталась со зрелостью и что наступила старость; от него она тоже родила детей, которые обозначают собою добродетели, приличествующие, как говорилось выше, старости. Умер Гортензий, что обозначает собою предел старости; овдовев же – вдовство обозначает собою дряхлость, – Марция с самого начала своего вдовства вернулась к Катону, и это обозначает собою, что благородная душа с самого начала дряхлости возвращается к Богу. И какой смертный муж более, чем Катон, достоин обозначать собою Бога? Конечно, ни один.

Что же говорит Марция Катону? «Пока во мне кипела кровь, – разумеется зрелость, – пока во мне жила материнская добродетель, – разумеется старость, которая действительно есть мать высоких добродетелей, как это было показано выше, – я, – говорит Марция, – следовала твоим приказаниям и их выполняла»; иначе говоря, душа твердо придерживалась своих гражданских обязанностей. Она говорит: «И взяла двух мужей», то есть приносила плоды в одном и в другом возрасте. «Ныне, – говорит Марция, – когда чрево мое утомилось и когда я для деторождения уже опустошена, я возвращаюсь к тебе, так как другому мужу меня отдать уже больше нельзя»; иными словами, благородная душа, признавая, что у нее уже больше нет чрева для несения плода, то есть чувствуя, что члены ее уже ослабели, возвращается к Богу, к тому, кто не нуждается в телесных членах. И Марция говорит: «Верни мне права прежнего брачного ложа, верни мне только название супружества»; это обозначает, что благородная душа говорит Богу: «Отныне даруй мне, Господи, Твой покой; даруй мне хотя бы то, чтобы я в этой слишком долгой жизни называлась Твоей». И Марция объясняет: «Две причины заставляют меня это говорить: